

Г.В.Краснов

СОСЕДИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ “ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА”

Сосед (соседи) — часто употребляемое Пушкиным слово. Оно зафиксировано с ссылкой на Пушкина в общелексическом значении во всех современных “толковых” словарях. Оно составляет особую рубрику (“сосед — рубеж”) в сборнике пословиц В.И.Даля. Конечно, это слово как просторечье употреблялось в эпистолярных и особенно в басенных жанрах. В жалобе на своего обидчика А.П.Сумароков писал: “Имею я деревню в Каширском уезде, а в соседстве со мной живут...”¹. Лермонтов из Тархан — С.А.Раевскому: “...снег в сажень глубины, лошади вязнут... и соседи оставляют друг друга в покое...”².

У Хемницера — басня “Два соседа”, с нравоучением: “Худой мир лучше доброй ссоры...” Соседство — источник житейских неурядиц, претензий — мотив басен Крылова “Откупщик и сапожник”, “Демьянова уха”, “Прихожанин”.

То же в шуточных поэмах начала века: “Опасный сосед” В.Л.Пушкина, в более поздней поэме В.С.Филимонова “Обед” (“Обед я помню в кругу тесном / С моей соседкою былой...”) В.В.Виноградов отмечал: “Пример Жуковского, Крылова, Д.В.Давыдова и даже “Опасного соседа” В.Л.Пушкина заражал творчество молодого Пушкина в 10-х годах, выводя фамильярно-бытовые формы его стиля за пределы салонного языка”³. Действительно, уже в лицейской лирике поэта рядом с салонно-идиллическим стилем (“Священник пожилой... В миру с соседями, в чести, в довольстве жил...” — “К другу стихотворцу”, “Иль добрый мой сосед, Семидесяти лет...” — “Городок”, “На Пинде мой сосед, И ты от муз укрылся...” — “Послание к Галичу”) рождается свое, фамильярно-бытовое:

Завидовал не раз,
Греха не утаю, — богатому соседу.
Хоть не ослу его, но жирному обеду...
(“Исповедь бедного стихотворца”).

Далее эта стилизованная манера усиливается:

За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом...
("Орлову").

Люблю тебя, сосед Пахом —
Ты просто глуп, и слава богу.
("Добрый человек").

Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа...
("Раззевавшись от обедни...").

Поэтическая функция того же слова в романе значительно многообразнее. Впервые (гл. 2, строфа IV) — в басенном жанре:

...Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чудак.

В следующих строфах действие развивается в том же басенном духе: "Сосед наш неуч; сумасбродит; / Он фармазон..." Таков "общий глас" обыкновенных соседей относительно необыкновенного. Басенная картинка помогает включить в события и другого героя:

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал,
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал (гл. 2, VI).

На первом плане — два соседа, Евгений и Ленский, два незаурядных героя, их быстрое сближение (Сперва взаимной разнотой Они друг другу были скучны; Потом понравились... И скоро стали неразлучны"), на втором — постоянно возникающее соседское окружение, одушевленный аксессуар, бытовое типовое явление с "общим гласом", судящее всех и вся по своему образу и подобию:

Всех дочек прочили своих
За полурусского соседа;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай... (гл. 2, XII).

Оба плана подсказывают сюжетную интригу произведения, которую нельзя свести к известной формуле "герой и среда" или "типические характеры в типических обстоятельствах". Провинциальная соседская среда и притягивает ("привычки милой

старины"), и отталкивает героев "Онегина". У них свой мир, вне соседских пересуд — уединение: "Одна с опасной книгой бродит...", "Поди, оставь меня одну...", "...Уединенье, тишина: Вот жизнь Онегина святая...", "Один, в расчеты погруженный..."

Мотив соседства порождает другой, себе противоположный. Уединение — не обычное отчуждение, психологическое состояние или эгоистическая примета, а человеческое право, необходимая свобода, конечно, не для всех, для избранных. Уединение — любимое состояние лирического героя Пушкина: "Ужель отрад уединенья Ему вкушать не суждено?"; "Вот кабинет уединенный, Где я Москвою утомленный..." ("Послание Юдину"), "Любовник муз уединенный..." ("Дубравы, где в тиши свободы..."), "В уединении мой своенравный гений..." ("Чаадаеву").

Сложное переплетение "соседств" в романе порождает свои коллизии, направляет действие. Примечательна беседа друзей накануне именин: "Ну, что соседки? что Татьяна? Что Ольга резвая твоя,"... "Вся семья здорова; кланяться велели... Да вот... какой же я болван! Ты к ним на той неделе зван". "Соседки" — ключевое слово, предваряющее новую цепь понятий, новую градацию: семья Лариных, отличная от "кучи" соседствующего "народу". Безымянная "соседка" заключает эту важную сцену:

— Кто будет там? своя семья.
 Поедем, сделай одолжение!
 Ну, что ж? — Согласен. — Как ты мил! —
 При сих словах он осушил
 Стакан, соседки приношенье...

Две строфы 2-й главы, XLVIII и XLIX, выделены анафорой — кольцом, с нейтральным началом и такой же концовкой, в большей степени настораживающими, чем умиротворяющими. Речь-ность замечавшегося Ленского и отрывистые реплики Онегина передают разницу настроений, разные возможности того и другого героя. Это исходная ситуация для последующих "именинных" событий и кульминации первой половины романа.

Здесь напрашивается другая посылка: амбивалентность понятия сосед (друг) — враг, амбивалентность, рожденная движением, разветвлением интересующего нас мотива. Она закреплена в заключении сцены дуэли:

В тоске сердечных утрызений,
 Рукою стиснув пистолет,
 Глядит на Ленского Евгений.
 <<Ну, что ж? убит>>, решил сосед.
 Убит!.. Сим страшным восклицаньем
 Сражен, Онегин с содроганьем
 Отходит и людей зовет (гл. 6, XXXV).

Поразителен резкий переход в поведении Онегина: от констатации факта (“решил сосед”) к “отчаянному призыву” героя. Оно объясняется в предшествующей строфе: “Какое чувство овладеет, Когда недвижим на земле...”. Противоречивая связь двух символов “сосед — враг” и “сосед — друг” получает еще и психологическую мотивировку и в то же время выражает необратимость этих понятий, их роковое сплетение.

В развитии мотива есть свой эпилог, другое временное пространство:

В деревне, где Онегин мой,
Отшельник праздный и унылый,
Еще недавно жил зимой
В соседстве Тани молодой... (гл. 7, V).

Старушка Тане:

“Здесь с ним обедевал зимою
Покойный Ленский, наш сосед”. (там же, XVIII).

Конец усадьбной идиллии и драмы. Сюжетный цикл замкнулся, многоликое соседство высветило основные темы — мотивы романа, образные связи, поглотило замыслы поэта, касающиеся изображения усадьбного быта, породило пушкинскую поэтическую символику.

В 8-й главе — новое знакомство через испытанную уже визитную карточку:

“Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?” — Около двух лет. —
“На ком?” — На Лариной. — “Татьяне!”
— Ты ей знаком? — “Я им сосед” (строфа XVIII).

Возвращение на круги своя! Новый виток “свободного” романа.

Особый разговор должен быть о Буянове, тогда широко известном герое “Опасного соседа”; появляющемся и в 5-й гл. “Онегина”. Он удостоен пушкинского примечания, цитатой из вступительной части поэмы В.Л.Пушкина:

Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком...

Известность поэмы позволила Пушкину привести в “Примечаниях” лишь первый и последний стих В.Л.Пушкина. Буянов как будто подстать другим соседям Лариных — “владельцу нищих мужиков” Гвоздину, “уездному франтику” Петушкову,

“Обжоре, взяточнику и шуту” Флянову. Рассерженному Онегину совсем не трудно было “чертить в душе карикатуры всех гостей”. В.В.Виноградов справедливо писал: “Просторечье, вливаясь в систему литературного языка, изменяло не только мир литературных “предметов”, но и круг литературных героев”⁴. Пародийный образ Буянова привлек Пушкина однако не скабрзными чертами. В.Виноградов опять-таки заметил: “При соседстве цитаты “сосед велеречивой из “Опасного соседа” Пушкин включает в образ Зарецкого символические формы Буянова”⁵.

Пушкин представляет Зарецкого как “новое” лицо в романе:

... живет
И здравствует еще донныне
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный,
И даже честный человек... (гл. 6, IV).

Новый герой, совсем новое лицо, благодаря своему перевоплощению, перерождению. Его молодецкое прошлое, описанное в последующих трех строфах (“Бывало...”) симпатично поэту: “Удалость (Как сон любви, другая шалость) Проходит с юностью живой”. Сосед Ленского по натуре ближе к Онегину и опаснее для него: “Он зод, он сплетник, он речист...”. Соседство Зарецкого между двумя героями — житейское (невдалеке от Ленского) и нравственное (около Онегина). Зарецкий вкупе с Онегиным олицетворяет слепое, пагубное повиновение правилам светской чести, осуждение их тогда автором романа. Не случайно обыгрывание этого понятия в дуэльных словах: “И даже честный человек...”, “Пружина чести, наш кумир!” (строфа XI), “Зарецкий наш и честный малый...”.

Соседи (соседство) — понятие в поэтическом мире “Евгения Онегина” множественное. Мотив, навеянный просторечными формами, басней, шутливой поэмой, раскрывался поначалу как бытовой собирательный образ. Затем он приобрел индивидуальное, персонализированное выражение, стал поэтическим эквивалентом главных героев романа (Онегин, Ленский). Сосед-герой отражает особенности романной структуры пушкинского произведения, в которой и сохранялась и преодолевалась литературная традиция. Сосед-герой, по существу, новый тип литературного героя с его внутренней и внешней “опозицией”. “Онегин нелюдим для дере-

венских соседей...” — пояснял Пушкин П.А.Вяземскому в ноябре 1824 г. Вспомним также полемическую реплику поэта в адрес П.А.Катенина, своеобразную автореминисценцию из “Онегина”:

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
(“Ответ Катенину”, 1828).

Онегин и автор послания отделяются от соседства, в то же время они связаны с ним.

Другое пушкинское признание в переписке той поры: “...Обвинение отца известно всему дому... Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться...”, “Уединение мое совершенно — праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством...” (XIII, 117, 129).

¹ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 159.

² Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М. - Л., 1957. Т. 6. С. 159.

Ср. позже у И.И.Пушкина в его “Записках о Пушкине”: “Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже взять меня к ним...”

³ Виноградов В. Язык Пушкина. М.-Л., 1934. С. 407.

⁴ Там же. С. 432. См. также: Михайлова Н.И. “Парнасский мой отец”. М., 1983.

⁵ Виноградов В. Указ.соч. С. 411.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций).	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина.	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина.	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича.	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен.	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных...".	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania".	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецноза".	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине".	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин).	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина".	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте.	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне".	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей".	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114